

Елена Скуратова

Верка. Я родилась в Сибири

Мать свою Верка не любила.

А за что её любить было? Холодную, отрешённую. Она ходила от дивана до калитки с почтовым ящиком, ожидая письма от своего тюремщика. Каждый день, как призрак: туда-сюда, туда-сюда.

Верочка? Вера? Веруня? Доченька?.. Нет!
— Ве-е-ерка! Верка-а! Верка, иди огород поливай!
Верка, пол помой...

Дел по хозяйству много, и все их кому-то надо делать. А хотелось за калитку—побегать с ребятами в догоняшки да в войнушку поиграть. И бегали-играли. Помоешь пол как попало—и скорей на улицу. Польёшь огород—и бежать к подружкам, хотя лучшей подруги, чем родная сестра Аська, у Верки не было.

Как-то мамка привезла из Абакана шерстяные варежки. Красивые, с вышитыми гроздьями клубники. Тёплые, наверное. Она куда-то торопилась и никак не могла найти вторую рукавичку. Бегала по квартире, но рукавичка как сквозь землю провалилась. Нигде не было.

— Верка, не видела рукавицу мою?—без особой надежды спросила мать.

— Видела, видела! Обними меня, и скажу где,— сама не понимаю зачем, соврала Верка.

Мать рывком обняла её и тут же отпустила.

— Ну, давай рукавицу-то! Где она?

— Не знаю...

Раздосадованная женщина отвесила второй рукавицей по лицу девочки оплеуху.

Верка рыдала—не могла остановиться. Ей не хватало воздуха, но перестать плакать она не могла. Даже объятия бабушки не спасли. Верка зарылась в одеяло и ревела в голос.

Этот момент сильно врезался ей в память. Навсегда. Рыскающая злая мать в поисках злощастной варежки—и несчастная, плачущая взахлёб Верка.

Нет. Мать свою она точно не любила. За что её любить-то? Верка—папкина дочка.

Давным-давно, когда мамка не была призраком и папка был живой, на балконе цвели настурции в ящичках, играла музыка.

— Молодожёны, наверное,—говорили прохожие.

Верка с родителями и младшей сестрой—Аськой—лепили пельмени, ездили на рыбалку, собирали лесную клубнику и лечебные травы. Вместе. Вместе устраивали игрушечные бои «все против всех», когда обстреливаешь и папку, и мамку, и друг дружку. Ох и весело! А потом так же весело и дружно наводили порядок. Папка брался за пылесос, а Верка с Аськой вытирали пыль и мыли посуду.

Вечерами смотрели какой-нибудь фильм. Щёлкали калёные кедровые орехи, мастерили поделки из бумаги или рисовали. Папка показывал, как «оживлять» человечков, нарисованных в блокноте. Ничего особенного: палка, палка, огуречик— вот и вышел человечек! А потом он—р-р-раз—и как бы «оживает», начинает бегать, пинать мячик... Не по мановению волшебной палочки, конечно,—с помощью самого обычного карандаша. Получался такой мультик с незатейливым сюжетом.

Если Верка или Аська обдирали коленку или локоть, что нет-нет да случалось, мамка доставала пузырёк зелёнки и йода. Папка макал ваткой и осторожно обрабатывал рану. Чтоб не щипало, они по очереди дули, и казалось не больно. А через несколько минут девчонки опять бежали на улицу—радостные и с боевым коричнево-зелёным раскрасом.

Это было давно, в прошлой жизни.

Для Новосёлово, посёлка в двухстах сорока километрах от Красноярска, Маринка Шульгина была персонажем любопытным. Взять хотя бы тот факт, что у неё имелось несколько париков. Сегодня она знойная брюнетка, завтра—роковая блондинка.

Не все понимали эти её преображения.

Верка на странности подруги не обращала внимания: ну, подумаешь, брюнетка, ну блондинка—какая разница! Главное, что человек хороший.

Добродушная и лёгкая в общении, Маринка отлично компенсировала Веркин невыносимый характер. Они дружили класса с пятого.

Верка как-то заступилась за Маринку, которая только-только переехала с матерью из города.

Худенькая девочка, одетая по последней моде, у одноклассниц вызвала зависть.

Мальчишам она сначала понравилась, но свою симпатию они выражали какими-то дурацкими, обидными способами — по-другому, видать, не научены.

Маринка держалась от всех в стороне, мало с кем разговаривала, на уроках отвечала сумбурно, но правильно, сама руку не поднимала.

Когда кто-то из одноклассников пытался с ней заговорить, она, как фарфоровая кукла, хлопала длинными ресницами и отходила на расстояние.

Одноклассники поняли, что общий язык с новенькой найти вряд ли получится — не того поля ягода, и её начали травить.

— О, смотрите, Клавдия Шифер идёт!

На тогдашнем молодёжном сленге это означало «Клава», то есть «лохушка». Вряд ли можно припомнить что-то более обидное.

А Маринка закусывала нижнюю губу и пожимала своими красивыми тонкими плечами.

Если честно, она и правда была похожа на фотомодель.

— Ну-ка отошли! — тихо сказала Верка пацанам, которые сбились в стаю и кричали гадости новенькой.

В своём пятом «А» классе Верка — непрекаемый авторитет: на голову выше одноклассников, крепкого телосложения и с характером, что палец в рот не клади.

Спорить с ней боялись не то что школьники — учителя. Запросто могла отправить на три советских буквы.

При этом отличница, брала призы на краевых олимпиадах по математике и русскому, капитан районной баскетбольной команды. В общем, спортсменка, активистка. Насчёт красавицы — спорный вопрос. Но смесь получилась гремучая — однозначно.

Новенькая Верке понравилась.

Как там у Пушкина: «Они сошлись. Вода и камень, стихи и проза, лёд и пламень не столь различны меж собой».

Маринка вечно в кого-то влюблялась. И ради этого кого-то была готова на всё. С обрыва сигануть, покраситься в рыжий цвет — дело нехитрое. А вы попробуйте историю выучить — вот это подвиг так подвиг!

В девятом классе Маринку застучали целующейся с учителем истории. Он сразу после института. Стройный интеллигентный блондин с модной стрижкой, как у актёра из «Бeverли-Хиллз» (был такой сериал).

Что уж говорить, у многих девчонок при виде этого педагога сердце начинало биться быстрее.

Маринка со своей импульсивностью была прямо без ума от него. Втрескалась по уши. У влюблённости оказался приятный побочный эффект.

Успеваемость по истории у девушки резко улучшилась. На каждом уроке она поднимала руку, брала доклады, писала рефераты. И досадливо закатывала глаза, когда Верка тыкала её в бок локтем, чтоб подружка немного пришла в себя.

Всё без толку.

Однажды на таких «внеурочных занятиях» по истории их застучала англичанка, которая хоть и была женщиной замужней, но тоже оказывала молодому коллеге знаки внимания.

Скандал получился мощный.

Маринкина мать пила валерьянку и грозились сослать негодную дочь учиться в техникум после девятого класса. Директриса устроила разнос Маринке, историку и соцпедагогу — что не досмотрел.

Только русичка вошла в положение: мол, а что такого, а может, это любовь?

Двадцать лет назад она, тоже после института, закрутила роман со старшекласником. Эта история закончилась счастливым замужеством. Учительница теперь уже с бывшим учеником живут долго и счастливо.

Но историк оказался героем не Маринкиного романа и, выставив четвертные оценки, поспешил, от греха подальше, уехать в город.

Маринка перестала ходить в школу, ничего не ела. Брала с собой кошку Муську и целыми днями спала.

Так прошла неделя.

Мать и совестила, и пугала, что дочка такими темпами станет или дворником, или пойдёт «коровам хвосты крутить». Как в пустоту.

После угроз в ход пошли уговоры. Бесполезно.

От бессилия обратилась к школьному психологу.

Веронику Евгеньевну, Маринкину маму, в посёлке уважали. Работала она в финотделе администрации. В обществе имела вес. А тут такое...

Чтобы уважить хорошего человека, психологиня пришла один раз к ним домой, но Маринка разговаривать с ней не стала.

— Ну ладно. Нет так нет! — развела руками женщина. — Я попыталась...

Верка тоже пыталась утешить подругу.

— Нет, Вера, не сейчас. Потом давай. Попозже. Сама позвоню, — отвечала Марина.

И не звонила.

Верка ходила по дому, как лев в клетке. Ей хотелось хорошенько поговорить с этим историком, взять Маринку за шкуру и трясти, пока не выветрится вся эта «любовь».

— Да утихомирься, Верушка, — ласково окликала бабушка.

Бабушке она возразить не могла. Сиделась рядом и клала голову ей на колени.

Так и сидела, пригревшись под крылышком, как взъерошенный воробышек.

— Не переживай, касатка, всё у неё наладится. Отойдёт сердечко.

— Ох-х-х,— только и хрястела Верка, а у самой глаза— на мокром месте.

С бабушкой она разрешала себе плакать, расслабиться и просто быть.

— Ну, пойдём холодец разберём, что ли, а то поздно уже, спать надо,— спохватилась Анна Александровна.

Делать холодец с бабушкой Верка любила с детства. Это ж был почти что ритуал.

— Когда я была маленькая, из этих хрящиков мы делали бабки и играли,— в который раз рассказывала Анна Александровна.

— Интересно,— перебирая хрящики, говорила Верка, а сама живо представляла: сороковые годы, орава деревенских ребятишек шумно играет в забытую теперь игру— и маленькая бабушка с косичками среди них.

Такие истории про деревню Кривошеино, Старое Новосёлово Верка любила и слушала с открытым ртом.

Она старалась запомнить каждую деталь, каждое слово.

Воскресенье. В девять утра как ни в чём не бывало пришла Маринка. В красивом платье, с кудряшками.

— Ну, так нечестно,— наигранно-возмущённым тоном, протирая глаза спросонья, полезла Верка обнимать подругу.

Вообще-то все эти обнимашки она не любила, но тут— дело другое. На радостях...

А из кухни уже доносился запах свежеспечённых блинов.

Сколько себя помнит, каждое воскресенье Верка просыпалась с этим ароматом.

На плите стояла высоченная стопка блинов, и бабушка допекала последние.

— Баба, давай помогу!

— Садитесь, садитесь, касатки. Ешьте, пока горячие. Я уж допеку.

Спорить было бесполезно, поэтому Верка с Маринкой с удовольствием стали уплетать бабушкины румяные блины— с малиновым вареньем и домашней сметаной.

— Да ну их, этих мужиков!— с аппетитом лопают очередной только что испечённый блин, острожно подбадривала Верка подружку.— Помнишь стихотворение:

Сегодня воскресенье— девочкам варенье,

А мальчишкам-дуракам— толстой палкой по бокам!

— Ага, Вера, умеешь ты найти нужные слова поддержки,— едва не давясь от смеха, прошептала Маринка.

И девчонки начали безудержно хохотать, выплёскивая наружу напряжение последних дней. И так легко им стало друг с другом, как будто этот

нелепый роман с историком и связанные с ним неприятности— вчерашний сон.

— Ну почему, Верка, ты родилась девчонкой, а не пацаном? Из тебя бы такой парень получился. У тебя характер— ух какой боевой. Вон ты какая смелая и сильная. Представь, как бы классно было. Мы б с тобой влюбились в друг друга, поженились и жили долго и счастливо,— перестала, наконец, смеяться и мечтательно предположила Маринка.

— Ну уж дудки! Ты со своей влюбчивостью назавтра втюрилась бы в другого. Я тебя знаю! И что бы мне оставалось бы делать? Пришлось бы убить и тебя, и соперника?

Вера взяла пучок своих густых волос, сделала себе экспромтом «усы» и «набросилась» на Марину:

— Молилась ли ты на ночь, Дездемона?

«Дездемона» сложила руки в мольбе и стала просить пощады.

Девчонки схватились за животы и начали кататься по полу от смеха.

— Да, Маринка, какая нам любовь-морковь?! Детский сад. Младшая группа.

Осень нагоняла на Верку тоску. Грязь, ливы, холодина, промозглый ветер. А ещё двадцать соток картошки, которую надо выкопать, стаскать в мешки, перебрать и спустить в подвал.

Картошку обычно копали в первых числах сентября. Два-три дня— и с ней покончено, зато вымотаешься так, что картофельная ботва ещё неделю снится.

Поле в нескольких километрах за посёлком. Надеваешь старые штаны, берёшь вилы— и вперёд!

Привычка сажать двадцать соток картошки осталась в наследство с тех времён, когда в семье было трое мужиков: дед, его взрослый сын от первого брака и папка.

Тогда сажали и копали картошку быстро, дружно. Кроме картофельного поля за посёлком, держали огород в Старой деревне. Верке с Асей нравилось туда ездить.

Неподалёку от их огорода поселилась кукушка. Весенне- и осенне-полевые работы проходили под её однообразные песни, а девчонки то и дело спрашивали у птицы, сколько кому осталось жить, и бережно отсчитывали каждое «ку-ку».

Врала кукушка.

Но девочки этого не знали. Они беззаботно носились друг за дружкой. Весной наперегонки таскали маленькие ведёрки и помогали матери бросать клубни в лунки— обязательно ростками вверх. А мужики в три лопаты подкапывали— только успевай кидать!

Осенью с азартом рыли картофельные лунки самодельными «трёхпальными копалками». Особенно радовались девчонки диковинным клубням, похожим на что-нибудь эдакое.

— О, смотрите, у меня картофельный гном!

— А у меня шапка Мономаха!

— Я собачку откопала!

— У меня хоккейная шайба!

Такие находки откладывали в сторонку. Их можно было отнести на выставку в школу или, на худой конец, показать соседям.

Осеннего холода как будто и не чувствовалось. Солнце припекало макушки и отражалось в бабушкиной улыбке.

— Делу время—потехе час!—говорила баба Анна, расстилая на капоте машины скатёрку.

После работы аппетит у всех был зверский.

Бабушка резала копчёное сало, доставала варёные яйца, котлеты с пирогами, домашний хлеб. Наливала горячий чай из термоса.

Как же было вкусно!

Верка закрыла глаза от удовольствия и увидела струйку пара над эмалированной кружкой... И тут её, как ушатом воды, обдал крик матери.

— Верка, чё копаешься?! Одну тебя ждём!—крикнула мать сердито.

Её голос жестоко вернул дочь в настоящее.

— Да иду я!—заворчала девочка, очнувшись от воспоминаний.

Верку в семье часто обзывали копушей. Собиралась она долго, переключая внимание с одного на другое. То вспомнит что-то, то ей надо срочно что-то записать.

А время-то идёт.

Мать с вилами наперевес и Ася в резиновых сапогах, держа вёдра с туго скрученными мешками под картошку, ждут в дверях.

Верка взяла ведро, надела рюкзак с провизией на плечо, и все трое отправились на поле. Бабушка осталась дома—на хозяйстве. Рвалась с ними, помогать, но возраст уже не тот, да и здоровье. Чуть понервничает или от перенапряжения—давление поднимается.

До поля—километра два. По пути девчонки с матерью успевали поговорить обо всём и ни о чём, посмеяться и поссориться несколько раз из-за какой-нибудь ерунды.

Дойдя до своей картофельной плантации, тут же принимались за дело.

Обхватывая правой рукой раскидистый куст картошки, мать подкапывала лунку за лункой, выворачивая на поверхность ровные ярко-жёлтые клубни. Девчонки собирали их в вёдра и сыпáli в мешки.

Мать не щадила себя и такой же беспощадной была по отношению к детям. Работали без остановок, за весь день делая только пару перерывов, чтобы перекусить.

Картошки было много. Новый сорт. Веркина мать называла его «китайский». Папка сам развёл его из нескольких килограммов покупного.

Картошка была вкусная и хорошо хранилась до следующего урожая. Её хватало и на еду—забывали

погреб в доме и подвал в гараже. Ею кормили скот: коров, поросят, курей, гусей, коз.

Хозяйство держали большое. Тоже «имперские» замашки с прошлой жизни, когда в доме были крепкие мужские руки, и не одни.

С хозяйством бабий батальон во главе с бабушкой, Анной Александровной, научился справляться. Зато мясо, молоко, сметана с маслом, яйца и овощи были свои. В погребе стояли по двадцать банок маринованных огурцов, помидоров, всякого варенья. Даже в самые голодные девяностые годы, когда в магазине ничего не продавалось и денег никому не выплачивали, их семья не жила впроголодь и со своего хозяйства выручала небольшие деньги, продавая молоко, сметану или ту же картошку по весне. На рынке стоять не надо было. Покупатели сами приходили домой.

Работы Верка не боялась. Она успевала и помогать, и учиться на отлично, и на секцию по баскетболу сбегать три раза в неделю, да ещё и с друзьями во дворе поиграть. То же самое можно сказать и про Асю, только вместо баскетбола она ходила на кружок шитья и училась не так прилежно.

После смерти папки Верка и Ася быстро повзрослели.

Был ли у них другой выбор? Бабушка—немолодая, мать ушла в себя, стала холодной и отрешённой и только изредка выныривала из этой своей отрешённости, чтобы потом опять в неё окунуться с головой. К этому её состоянию девчонки тоже привыкли.

Нет, выбора у них не было.

.....
— Соберитесь, тряпки!—кричала она девчонкам, передавая очередной пас.

Проигрывать Верка не умела.

Она не сдавалась, даже когда табло показывало «десять—два» и до конца матча оставалось несколько минут. И тогда она играла так, будто у команды есть шанс изменить ход игры.

За волю к победе и бешеную энергию её и любили в команде—не зря ж выбрали капитаном.

Верка заражала своим энтузиазмом, но и раздражала всех вокруг тоже. Она не могла сдерживать своей досады и злилась, что игра не шла. Команда сделала всё, чтобы сравнять счёт. Но не всегда получается, даже если сильно стараешься.

Прозвучал финальный свисток.

Верка ждала кулаки—уже не от злости, а от обиды: ну не могла же она прямо здесь, на поле, взять и расплакаться, как маленькая девочка? Именно этого ей хотелось.

Верка помахала всем рукой и быстрым шагом пошла в раздевалку, сбросила вещи в рюкзак и, не переодеваясь, побежала на улицу.

— Вера, Вера, ты куда? Жди нас!—кричали девчонки.

А Верка не могла из себя выдавить даже «пока».

Только на крыльце осенний воздух, как пощёчина, немного привёл её в себя. Но ком по-прежнему предательски подступал к горлу. Она не хотела, чтобы кто-то видел её слёзы, и уходила подальше от стадиона и своего проигрыша.

Когда отошла на безопасное расстояние, Верка выдохнула и, дав волю чувствам, заплакала навзрыд.

Она плакала от обиды, от злости на себя. Это она, Верка, не смогла. Не смогла забросить мяч в корзину. Не смогла собрать команду. Это она струсила, сломалась, дала слабину.

То, что она почти сравняла счёт и команда считала её молодцом, — неситово.

Она видела перед собой неудачницу Верку и табло со счётом «десять—девять».

Ей было обидно за себя, за свою команду, за своего тренера. Как будто это её последняя игра. И больше она никогда не выйдет на поле.

Проигрывать Верка категорически не умела. — Вера, ну ты чего?! — услышала она строгий голос догонявшего её тренера. — Ну-ка не раскисай!

Верка вытерла слёзы рукавом, высморкалась и остановилась. Тренер точно не отстанет — это понятно.

— Ну и чего расклеилась? Ты же хорошо играла, молодец! — приободрил Пал Андреич. — Проигрывать тоже надо учиться. И в баскетболе, и в жизни нельзя всё время выигрывать, понимаешь?! Так не бывает, Вера!

— Не ожидала от вас, Пал Андреич! Вы, как тренер, наоборот, на победу нас настраивать должны, а вы... — выпалила Верка.

— Нет, Вера! Если не научишься проигрывать, я тебя с соревнований буду снимать, пока не поймёшь! — категоричным тоном подытожил тренер. — Ага, и команду без капитана оставите? — не унималась девушка. — Пал Андреич, мне сильно надо домой! Mamka попросила пораньше прийти. До свидания!

Пал Андреича Верка уважала, но он явно говорил что-то не то.

Она хотела выигрывать. Всегда. Каждую игру. Хотела всегда быть первой.

Приходя со школы, Верка полушутливым голосом рапортовала бабушке и всем присутствующим: — Две пятёрки по математике, пятёрка по литературе, за сочинение пять/четыре. Пятёрка по химии. По обж поставили четыре.

Баба Анна откладывала все дела и громко восхищалась успехами внучки.

Бабушке учиться не дала война. Четыре класса образования и тяжёлая работа с двенадцати лет — этому поколению досталось.

Верка старалась бабушку радовать хорошими оценками каждый день.

Двойки у Верки тоже случались. Однажды ей поставили даже кол! «1» (в скобочках — «единица») — крупными буквами написала учительница по математике. Хотя расшифровка была излишней. Верка никогда не прятала дневник и не закрашивала оценок, которые ей не нравятся. Она была за справедливость: заслужила — получай!

По этой же причине Верка никогда ни у кого не списывала. Она считала это ниже своего достоинства и рассуждала: неужели кто-то другой знает больше, чем она?

Обычно списывали у неё, и не всем она разрешала — по настроению.

На следующую тренировку Верка опоздала. — Ну и? Что за причина, почему наша звезда не может прийти вовремя? — спросил Пал Андреич, пока Верка вставала в строй.

— Пять кругов по стадиону — марш! — скомандовал тренер. — И два дополнительных круга: скажите спасибо капитану!

— Ну Пал Андреич, — попыталась вступиться Олеська Шибанова.

— Два с половиной, — протяжно скомандовал Пал Андреич. — Ещё вопросы есть?

И все побежали. Молча.

— Чё, пораньше прийти не могла? Тоже мне звезд-да, — послышался шёпот сзади.

Это Ирка Голикова. Она бежала следом за Веркой и не упускала случая подколоть кого-нибудь, а тут такая возможность! С Веркой они постоянно в контрах.

— Тебя не спросила! Чё, вопросы есть? Давай после тренировки разберёмся, — обернулась Верка. — Беги уже, — сбавила тон Ирка, опасаясь открытого столкновения.

Потом синяки, ссадины — кому это надо?! Верка дралась в исключительных случаях. Было это всего несколько раз, и то с мальчишками.

Один раз — когда соседский пацан попал Асе камнем в лоб, в сантиметре от виска.

Второй раз вступилась за двоюродного брата Мишку, которого во дворе дразнили очкариком. Слово за слово — и оскорбления полетели уже в её адрес, а потом кто-то из хулиганов толкнул первый. И понеслось!

В первом случае Верка так накостыляла обидчику сестры, что у того остался синяк на память. А ещё сходила к нему домой, поговорила с матерью, что какой-то сантиметр — и сына бы посадили за убийство.

Во втором случае Верке самой хорошо досталось: ей вырвали клочок волос, поцарапали ногу и вывихнули палец на руке. Брата ударили в живот. Но бой был неравный. Она с братом-ботаником против троих пацанов.

Верка с Мишкой ко всему получили хорошую взбучку дома. Тётя Люба отругала племянницу, что лезет куда не просят.

И Мишка туда же—ворчит:

—Говорил же, не надо! А ты: пошли, пошли! Вот и разобрались.

Но после драки Мишку во дворе обзывать перестали.

Верка осталась довольна результатом. И, прищипывая, подбадривала брата:

—Вишь, Миха, победителей не судят! Ну явно ж мы с тобой победители, раз добились чего хотели! И по фигу на синяки!

—Ага, ага, победители! Я два дня потом буквой «Г» ходил, разогнуться не мог,—парировал Мишка, с умным видом поправляя очки.

—А кто сказал, что будет легко? Ты, главное, слушай старшую сестру—она плохому не научит! Я на целых два месяца тебя старше как-никак,—хохотала Верка, подмигивая брату.

.....

Когда Верке было лет восемь, в здании бывшего комиссионного магазина сделали храм. Повесили иконы, крест на крышу поставили.

Было это совсем рядом—за углом от бабушкиного дома.

Это место казалось таким таинственным и манило ребятишек.

Верка с Асей и Тимкой, осмелев, забегали в храм как были—в одних шортах. Забегали запыхавшиеся—и тут же усмирились. Они смотрели вокруг с открытыми ртами.

Полуденное солнце проникало в церковь через большие окна и преломлялось каким-то необыкновенным образом, превращаясь в столбы света, отражающиеся в окладах икон.

И такая необъяснимая радость появлялась в душе. Ниоткуда. Её не могли спугнуть даже замечания бабок: «наденьте платок», «в шортах в храм нельзя».

Верка чувствовала, что Бог—здесь, рядом. Откуда она это знала? Сама не смогла бы ответить. Просто знала, и всё. Это казалось так же естественно, как дышать.

.....

В середине сентября у Веркиной одноклассницы Аньки Дровцовой нашли вшей. Она ходила в школу как ни в чём не бывало. Когда об этом узнали, её стали сторониться. Но было поздно. Чесался весь класс.

—Анька, ты вообще думаешь своих вшей выводить?!—высказала в глаза всеобщее возмущение Верка.

Анька была та ещё оторва. Могла и двинуть, поэтому в лицо никто её вшивой не называл—только заочно. Верка закулисных игр не вела и Аньку не боялась—они с ней примерно одной весовой категории: ещё неизвестно, чья возьмёт.

А решать проблему надо!

Веркины волосы—её благополучие и проклятие. Длинные, ниже пояса, густые и толстые, как конская грива. Красивые. Но сладить с ними ой как непросто.

Бабушка заплетала тугие косы, которые к вечеру всё равно расплетались. Никакой силой их невозможно было удержать. Как и Верку.

При таких волосах—и узнать, что завелась вши...

—Ну баба, давай обстригём! Ходят же девчонки со стрижками, и ничего, нормально,—взмолилась Верка, вычёсывая прядь за прядью тонким гребешком и вспоминая Аньку «добрым словом».

—Верочка, ну что ты?! Иди, помогу. Такие волосы красивые. Жалко же. Выведем мы их, выведем!

—Баба, мы с тобой как мартышки в зоопарке,—причитала Верка, лёжа на коленях у бабушки.—А что, если ещё и Аську, не дай Бог, заражу этой пакостью?.. Как она свои кудри гребешком вычёсывать будет?

У Аси тоже длинные волосы, цвета топлёного молока—золотистый блонд. Не такие густые, как у сестры, зато кудрявые, особенно после дождя.

Асю Верка, конечно, заразила.

На ближайшую неделю у них появилось ещё одно «хобби», будь оно неладно! Верка, Аська и бабушка каждый день самоотверженно боролись с незваными гостями. Вычёсывали их гребнями, каждый день топили баню, кипятили бельё на газу, пылесосили кровати.

—Кому чё, а вшивому—баня!—глумилась над подростками мать, но потом и сама начала чесать голову.

Тут уж и ей стало не до смеха.

—Нечего было злорадствовать, топи баню!—смеялись Верка с Асей.

В школе карантин не объявляли. Зато дежурные в каждом классе проверяли головы. Стыдная процедура.

—Да уж, двадцать первый век на носу! Технологии... А мы со вшами справиться не можем. Не хватало, чтобы нас ещё из-за этого от соревнования отстранили. И так уже все секции отменили,—охала Верка, перебирая волосы.

Ей казалось, голова чешется всё время.

На её счастье, бабушка где-то раздобыла керосину и под дружные визги сделала девчонкам керосиновую маску для волос. Запах стоял в бане невыносимый! Но зато вшей вытравили.

—Неужели мы их победили? Много ли человеку надо?—не веря своему счастью, радовалась Аська.—Баба, ты мой герой! Как ты узнала, что поможет?—допытывалась Верка у бабушки, которая знала столько всяких житейских премудростей.

—В войну керосин выручал—часто приходилось травить. Вши тогда были обычным делом. Жили тогда впроголодь, ели мёрзлую картошку. А когда организм ослаблен, всякая дрянь привязывается.

Ох и изматывали они! — рассказывала Анна Александровна, тяжело вздыхая.

В честь освобождения в воскресенье Аська испекла смородиновый торт. Пока она занималась коржами — получались они сиреневого цвета, Верке поручила взбивать на крем сметану с сахаром.

Верка взяла ручную маслобойку и принялась за дело. Работа была для неё привычная: через день бабушка сепарировала молоко, и сметаны с творогом всегда оставалось много. Из сметаны делали масло, из творога баба Анна варила сыр.

— Вера! Опять ты переборщила! Давай заново! — коржи уже остывали, и Асе не терпелось намазать их кремом и поставить пропитываться на подоконник.

Когда взбиваешь крем из сметаны, главное — не перестараться, а то в масло превратится. Верка часто пропускала момент, когда надо остановиться. — Мам, а давай электрический миксер купим — в «Дунинский» привезли, — предложила Ася.

— Ага, у нас три маслобойки. Вон, электрическую берите! На какие вши будем ваш этот миксер покупать? Сама знаешь, вместо денег — талоны только дают. Талонов на миксеры не предлагали, — мать махнула рукой и пошла к себе в комнату.

— Ой, мама, поняла. Только про вшей не надо больше! — засмеялась Ася.

— Только не это! Не надо никаких вшей! Лучше я уж вручную буду взбивать, — поддержала Верка сестру.

.....

Ничем Верка не могла заглушить осеннюю хандру. Только ещё предчувствуя осень, она начинала грустить без всякой видимой причины.

— Верка, ну чего ты? Ну подумаешь, осень... И что? Каждый год... Пора уже привыкнуть, — закаты вала глаза Маринка. — Типа «унылая пора, очей очарованье».

— Ну-ну, ты меня доконать решила? Знаешь же, что у меня на стихи аллергия! Ежу понятно, «унылая пора». Куда уж унылей. Грязюка. Холодина. Дожди, ливы, листья бурые под ногами и деревья голые. Тоже мне очарование. На любителя. Фигня вся эта ваша поэзия. Вечно какую-то лапшу на уши вешают.

Поэтов Верка терпеть не могла. К местным алкоголикам и тунеядцам, кажется, относилась и то более снисходительно.

Чем объяснить эту нелюбовь? Она и сама не знала. Даже когда задавали учить стихи в школе, у Верки всегда получалось отлынивать от декламации. То у неё резко заболит живот, то голова закружится, то пропадёт голос, то гриппом заболевет.

В младшей школе учительница хоть и заметила странную закономерность, но для отличницы делала исключения и передавать стихи наизусть после болезни Верку не заставляла. У неё и без этого хватало оценок, и выходила твёрдая пятёрка.

В пятом классе новая преподавательница по русскому языку и литературе вызвала Верку к доске. Надо было выучить отрывок из поэмы Лермонтова «Бородино».

Девушка встала лицом к классу. Она выглядела жалко: запинаясь, заикалась, краснела, но так и не смогла выдать из себя ни строчки.

Зоя Михайловна крайне возмутилась таким отношением к классике (а ещё отличница!). И назначила Вере на завтра пересдачу после уроков.

Это был позор. Нет, позорище!

Верка взяла всю свою волю в кулак и с каменным лицом пришла вечером в кабинет литературы.

Зоя Михайловна встретила её приветливо.

Она любила свой предмет и верила, что сеет в души детей доброе, вечное.

— Михаил Юрьевич Лермонтов. «Бородино», отрывок, — произнесла Верка и почувствовала, как к горлу подступает ком, но она снова взяла себя в руки и начала читать. С чувством, с толком, с расстановкой.

Вдруг после первых нескольких строчек что-то пошло не так. Верку стало тошнить. В прямом смысле.

Зоя Михайловна сделала строгое выражение лица. Она подумала, что ученица прикидывается, а может, даже и прикалывается над ней.

И тут Верке стало плохо. Она побледнела и стала терять сознание.

Такого исхода не ожидала она сама.

Зоя Михайловна подхватила Верку за плечи и усадила на стул. Она побежала в лаборантскую и принесла чай с лимоном.

— Вера, что это сейчас было? Ты плохо себя чувствуешь? Заболела?

— Ну, не знаю. Не могу я стихи читать. Не моё это, — призналась Верка сдавленным голосом.

— Ладно, Вера. Иди домой, — сжалилась учительница.

Она была так обескуражена случившимся, что вместо проверки тетрадей тоже налила себе чаю. — «Скажи-ка, дядя, ведь недаром!»! Классика! Это ж надо такое. Стихи — не моё, — бормотала учительница, задумчиво размешивая сахар.

Больше рассказывать стихи Верку Зоя Михайловна не вызывала. Ещё долго учительница испытывала неловкость за этот странный случай.

А Веркина неприязнь к поэзии стала ещё яростнее.

Если бы она могла посмотреть немного вперёд, она бы сказала, что не зря не доверяла рифмоплёткам.

Там, впереди, Маринка выйдет замуж за местного поэта, и Верка придёт к подруге попросить отвёртку, а тонкой душевной организации человек завалит её на диван с намерением изнасиловать.

Но всё это случится потом, в будущем.

А сейчас Верка злится, что от лета осталось одно воспоминание, что листья предательски желтеют, а по вечерам так резко похолодало, что впору пуховик надевать.

Маринка общается с местными поэтами и поэтессами, они создают поэтический клуб, публикуют свои стихи в районной газете.

Больше всего ей нравится творчество Ирины Карповой¹.

«Велюар сэ пувар»,— слышу голос Анны.

Стих читаю про войну и про взгляд случайный...—

запали Маринке слова из стихотворения Ирины. Что-то в этих строчках есть.

Маринка и сама пробует писать. Мама подержала начинание дочери и купила ей печатную машинку. Компьютеры тогда были ещё не в ходу. Но стихи свои не любит. Кажутся ей они пустыми и бессмысленными.

— Графоманка!— ругает она себя, выбрасывая очередной черновик, а рука будто сама тянется к новому листу бумаги.

На фото— маленькая девочка в чепчике (годика полтора— не больше) бережно обнимает младенчика на кровати, и их обоих придерживает бабушкина рука.

Это Вера и Ася.

Они погодки и сколько себя помнят— везде вместе. Измерять лужи в резиновых сапогах— вдвоём, лазить по крышам— вместе. Вместе собирать малину, отгонять корову в стадо рано поутру, пить парное молоко, бегать в догонялки, играть в куклы, прятать подружку в машине, чтобы взять с собой по траву. Высиживать птенцов, положив куриные яйца в дедушкину меховую шапку?! Серьёзно? Да, давай! Опять вместе.

Они были неразлучны, как близнецы. Им даже одежду часто покупали одинаковую, только разных размеров. Верка была и старше, и крупнее. Ася— тонкая, как тростинка, и звонкая, как ручеёк. Её залихватистый смех слышался издали.

— Ася, тебе палец покажи— смеяться будешь!— закатывала Верка глаза, показывая сестре указательный палец.

И Ася смеялась. Нет, она хохотала чуть не до упаду, держась за живот.

Ни с кем и никогда Верке не бывало так весело и легко, как с младшей сестрой.

У них существовал свой детский мир, открытый для всех, но сокровенный. Друг от друга же— никаких тайн и секретов. Общие друзья и подруги. Одна детская, один на двоих велосипед. И никакой ревности.

При этом каждой из них удавалось оставаться собой.

Ася— добрая до невозможности. С большими, широко открытыми к миру глазами. У неё и сердце такое— нараспашку.

Верка тоже наивная, но гораздо рассудительнее и осторожнее— за себя и за сестру. Она— сама серьёзность со всеми, кроме Аси.

— Верка, а помнишь, мы с тобой стекловаты за пазуху нарезали на стройке?— Ася любила вспоминать какие-то моменты, всплывающие в памяти, как цветные осколки калейдоскопа.

— Ага, помню, помню. Она сияла на солнце, как бриллианты. Только бабушка не обрадовалась нашим сокровищам. Помнишь, как она испугалась и побежала нас мыть. И деду попало, что не досмотрел.

Вера и Ася родились в восьмидесятых.

Лет до двенадцати им ни в чём не отказывали. Буквально. Верка не могла вспомнить ни одного случая, чтобы родители или баба с дедой ей или Асе сказали «нет». Но девчонки не были избалованными, не нагтели.

А вот приврать немного могли. Если очень хочется...

Однажды в сентябре Вера и Ася подумали и решили, что им сильно не хватает доски, как в школе, чтобы писать мелом можно было.

— Нам в школе задали, что дома надо поставить доску и решать домашнее задание.

Наверняка же взрослые сразу догадались, что в школе такого не задавали. Но спорить не стали и разоблачать маленьких врушек тоже.

Этим же вечером дед принёс большой лист то ли ДВП, то ли ДСП, высотой до потолка, и прикрепил к стене. Мел нашёлся— им подкармливали корову.

Вера и Ася тут же приступили к «урокам».

— Палка, палка, огуречик— вот и вышел человек!

Когда надоело рисовать, стали играть в школу, меняясь по очереди, кто учитель, а кто— ученик.

Долго ещё доска висела в комнате— наверное, год. Её не снимали, пока девчонки не наигрались и сами не попросили убрать.

Или тот же случай с высиживанием цыплят.

Это ж надо догадаться: высиживать цыпущек в старой меховой ушанке! А Вера и Ася— насадки две— высиживали несколько дней, сменяя друг друга. И никто из старших не покрутил пальцем у виска. Не сказал им, что никаких птенцов они, конечно, не дождутся.

Когда приходили в магазин с бабушкой или мамой, девчонкам всегда покупали то, что они просили.

Если приезжали в город, на рынок, перво-наперво мамка с папкой шли и покупали дочкам платья— такие, как им нравились.

1. Ирина Карпова— новосёловская поэтесса, ушедшая из жизни в юном возрасте. Хочется, чтобы её вспомнили.

Нужна звёздочка с Ильичом — брали самую красивую, пластиковую, с маленьким портретиком золотовласого мальчика в центре.

Взрослые не откупались от них — такое и в голову не приходило. Девчонок брали с собой за ягодой, за грибами, на рыбалку. Они с бабушкой копались в огороде и помогали матери убираться в квартире.

Вера и Аська жили в атмосфере любви и довольства. И не знали, что бывает по-другому.

— Вера, вставай! Помоги полог расстелить! — разбудила мать спозаранку.

Зевая, Вера натянула штаны и потихоньку, чтобы не разбудить сестру, прокралась в коридор. Там уже надела тёплый свитер и пошла за матерью.

Зябкое утро. На градуснике плюс четыре. Лужи за ночь ещё не сковывает льдом, но пар изо рта идёт.

В такую погоду из постели — сразу на улицу, не испив горячего чая, жестоко выходить.

Но помогать надо.

— Вера, давай быстрее! Дядя Паша сейчас зерно привезёт! — подгоняет мать.

Она не знает жалости.

Непослушными руками Вера расправляет концы полога по огороду.

А вот и дядя Паша на самосвале! Успели.

Большая машина разрывает утреннюю тишину маленького сельского переулка. Водитель деловито спрыгивает с подножки и помогает матери открыть ворота.

— Здорово, Валька! Надо по-быстрому разгрузиться да на поле, — торопится мужчина.

Несколько минут — и кузов самосвала пустой, а в огороде, на пологе, красуется огромная куча зерна. Пыль стоит столбом.

— Я вечером заеду, — говорит дядя Паша. — Тёте Ане передай привет!

Дядя Паша — сын бабушкиной подруги, а по совместительству какой-то родственницы деда. Он вернулся из Афгана и устроился водителем в совхозе. Каждый год в начале сентября, в конце уборочной страды, он привозит Веркиной матери с бабушкой машину зерна для скотины. Если покупать корм в совхозе, это обойдётся гораздо дороже — для семьи это неподъёмные деньги.

А дядя Паша делает скидку, как своим.

Вечером, как и обещал, он приехал. Бабушка с матерью накрыли стол к его приходу, поставили бутылку «Пшеничной».

Сами они не любительницы выпить, но бутылка всегда в доме была, как самая ходовая в те годы валюта для расчёта с местными мужиками. Тариф был один: сено привезли — бутылка, свинью закололи — бутылка...

После возвращения с войны дядя Паша стал пить по-страшному. Пока трезвый — хорохорился:

рюмкой, рассказывать про службу нечего. Но рюмка за рюмкой, и вот он заплетающимся языком, полужёпотом, рассказывает матери о «дúхах», Кандагаре... А под конец он обычно плакал, подперев голову кулаком, и громко сморкался.

Что точно он говорил, Вера уже не слышала — было за полночь, и она засыпала. До неё доносились отдельные слова, какие-то несвязные фразы да надрывные всхлипывания.

Дядя Паша приходил редко — только по делу или когда совсем уж немоготу и некуда податься.

Тогда тётя Аня и Валька, бабушка и мама Верки, сочувственно слушали его невесёлые рассказы и вздыхали. Жалели.

Воспоминания о войне дядя Паша развлекал присказками вроде «никто не любит — не понимает» и ругал себя, что опять гонял жену или без причины налетел на сына. Тут ему становилось совсем горько, и он пил одну рюмку за другой.

— Понимаешь, Валька, чё-то переклинивает у меня в башке! Щёлк — и всё! Ни с того ни с сего! Как с цепи срываюсь и ничё сделать с собой не могу, — жаловался он сам на себя Веркиной матери.

Жену и детей дядя Паша любил. Сам из большой семьи и пятерых ребятишек настрогал — четыре сыночка и лапочка-дочка. Все красивые, умные.

В любом состоянии, при любой погоде он возвращался домой, как будто на автопилоте. А потом снова искал по посёлку приют своей изболевшей душе. Выход обычно находился на дне стакана. Всё закончилось тем, что совсем спился дядя Паша и свёл счёты с жизнью.

Жалко его. Баба Анна рассказывала, что в школе он учился и мог после армии поступить в институт. Получил бы интересную работу и прожил долгую счастливую жизнь.

Любовь Михайловна жила наискосок от бабушкиного дома.

У неё всегда находились гостинцы для Веры и Аськи — пара шоколадных конфет или леденцов точно.

Любовь Михайловна любила порадовать соседских ребятишек чем-нибудь вкусеньким. То пирог с яблоками испечёт и угощает, то ранетки вынесет.

Муж её давно умер. Жили они вдвоём с сыном Сашкой. Она родила его поздно, и по незнанию некоторые принимали мальчишку за её внука.

Любовь Михайловна была из той когорты советских учителей, которые не давали себе поблажек. Хоть она и немолодая, но всегда одета элегантно. На шее — газовый платочек. Модная стрижка. Хорошо поставленный голос.

И добрая. За это качество Вера и Ася её и любили.

Любовь Михайловна тоже благоволила девчонкам, которые делились с ней какими-то своими

детскими секретами, когда она приходила к бабушке за молоком, а иногда и сами относили банку с молоком учительнице.

Сама она хоть и жила в таком же частном доме, но вести хозяйство совсем не умела.

— Да что вы? Я ж не знаю, с какой стороны к ней подойти! — отвечала она смущённо на советы соседей, отчего бы ей самой не завести корову.

Она не жеманничала. Была интеллигентной до мозга костей, а к деревенской жизни совсем не приспособленной.

— Ин-тел-ли-ген-ци-я — что с них возьмёшь? — не от большого ума цедили сквозь зубы деревенские бабы.

Любовь Михайловна приехала в Новосёлово из самого Ленинграда — после института. Да так и осталась здесь учительницей.

Долго ходила в девках, пока руку и сердце не предложил ей директор сельской школы. Мужчина он был хороший, хоть и старше на пятнадцать лет.

Детей у них не получалось. Да и переживать по этому поводу учительской чете было некогда. Помимо своих предметов — Любовь Михайловна преподавала русский и литературу, а Александр Степанович — историю, — оба супруга вели кружки. Много читали, спуская на библиотеку половину зарплаты, гуляли, ходили в кино.

Сашка у них родился, когда уже и надеяться перестали. Любовь Михайловне было уже за сорок. Александр Степанович и вовсе готовился к пенсии. А тут сын! Радость-то какая!

Конечно, всё только для него. Но мальчик рос не баловный, под стать родителям. Можно сказать, идеальный советский ребёнок. Помогал старшим, участвовал в соревнованиях, учился на пятёрки.

По пути в столовую, проходя мимо школьной Доски почёта, Верка, хоть и была первоклашкой, с гордостью косилась на Сашку. Вот он, пример для подражания — гордость школы, гордость мамы и папы, хотя Александра Степановича к тому времени уже не было. С фронта он пришёл весь израненный. Мечтал дожить до свадьбы единственного сына, но получилось Сашку подрастить только до пятого класса.

Откуда Верка знала столько подробностей про семью Блиновых? От бабушки, которая восхищалась их интеллигентностью и ставила их в пример внучкам.

Когда Сашка пошёл в армию, на проводины пригласили всё село.

Вера с Аськой, конечно, не могли такое пропустить и наперегонки бежали в гости. Бабушкины замечания словно пролетали у них мимо ушей. — Сашка, а у тебя девушка-то хоть есть? Кто тебя будет из армии ждать? — спросила Ася.

Сашка на проводинах — как именинный торт — привлекал всеобщее внимание.

— Ну, есть! А что?

— Жалко, — протянула Аська с досадой. — А так бы я тебя из армии ждала, письма бы тебе писала. Я уже почти все буквы знаю — Верка меня научила. — Ну и пиши, кулёма! По-соседски. Я только рад буду, — приобнял девчужку Сашка.

Шутка ли — пятилетняя невеста будет ждать!

Потом его утащили за стол одноклассники.

Стол накрыли огромный — на всю комнату.

Лавки из бани притащили, чтоб всем гостям было место усесться.

Любовь Михайловна испекла фирменный пирог. Баба Анна принесла шаньги.

Детям накрыли стол в соседней комнате, но время от времени они бегали к взрослым поплясать или послушать песни.

Сашка играл на гитаре какие-то современные песни. А Любовь Михайловна подыгрывала на пианино, ловко подбирая аккорды.

На фоне всеобщего веселья вид у неё был как будто рассеянный.

За столом выяснилось, что в компот она вместо сахара положила соль.

— Ой, как же это? — спохватилась учительница. — Ну, значит, без компота. Извините уж меня, пожалуйста, гости дорогие!

Сашка сел поближе к выходу, чтоб помогать матери с угощеньями. Рядом с ним — Светка Глазкова. С Сашкой они дружили с девятого класса. Она-то и есть та самая «соперница», которая собиралась ждать Сашку из армии.

Светка веселилась вместе со всеми и подбадривала будущего солдата заранее заготовленными стихами.

Домой Верка с Асей ушли вместе с бабушкой в двенадцатом часу ночи.

Девчонки проснулись утром проводить Сашку до автобуса, но баба Анна не разбудила.

— Ладно-ладно, я ей припомню! — надулась Аська. — Да ладно тебе! Подумаешь, не проводила! Письма будешь писать! — подтрунивала над сестрёнкой Верка.

И Аська писала — раз в месяц огромными каракулями письма в несколько слов: «Привет Сашька. Ат нас», — или: «Привет ат Аси».

Цензура в роли Любви Михайловны правки не вносила — прикладывала письмо к своему и отправляла в часть.

Потом тем же макарон передавала ответ от Сашки. Аське он писал на отдельном листе печатными буквами: «Привет, Аська! Учи буквы!»

Аська каждый раз носилась с письмом, прижимая к сердцу, и складывала их в шкапулочку с секретами.

В феврале письма от Сашки долго не было.

— Здравствуйте, Любовь Михайловна! — поздоровалась Верка, как обычно.

Любовь Михайловна прошла молча.

— Баба, а что это с Любовью Михайловной? Поздоровалась с ней, а она молчит, — спросила Верка у бабушки вечером.

Баба Анна ничего не ответила.

Назавтра в школе Верка узнала, что Сашка погиб в Афганистане, выполняя свой интернациональный долг. Так сказали на школьной линейке.

Что такое интернациональный долг, Верка не знала.

Сашкин портрет с Доски почёта перевесили на другую стену — с чёрной ленточкой и надписью: «Родина гордится!» Рядом с ним там висели ещё три портрета бывших учеников, погибших в Афгане. Двоих из них Верка видела у Сашки на проводах.

Лазать по деревьям Верка не умела. Зато Ася в этом деле была мастером — тоненькая, как веточка, она в два счёта забиралась на самую макушку.

— Верка, ну ты чего там? Лезь уже! Тут невысоко!

И Верка, как Винни-Пух, пыхтя и охая, принималась штурмовать дичку вслед за сестрой.

— Ага, невысоко! Ещё как высоко-о-о! — подвывала она беззвучно, еле шевеля губами.

Чувствовала себя она как раз косолапым медвежонком, еле перебирающимся с сучка на сучок.

Медленно одолев несколько нижних веток, Вера поднялась выше, и только она собралась перевести дух, как ветка под ней предательски треснула.

Бах! И Верка лежит под деревом — аккуратно угодила в жестяную ванну. И откуда она только здесь взялась, треклятая?! Хорошо, что ванна с мусором, — обрезанные ветки с сорняками смягчили приземление.

Нет, Верка не плачет. А ой как хочется, между прочим, всплакнуть! Не знаешь, от чего больше — то ли от боли, то ли от обиды, что Аська — опять там, наверху, ест спелую дичку, а Верка — тут, валяется в ванне с разбитой коленкой. Это ещё легко отделалась!

Вообще, давно пора понять, что как лазун она, мягко говоря, не очень! После того случая, когда залезла вслед за Асей на крышу и съехала оттуда на пятой точке, напоровшись на здоровенный гвоздь, уж точно можно было уяснить раз и навсегда!

«Нет, ничему меня жизнь не учит», — думала Верка, сжимая губы.

— Вера, Верочка, тебе больно? А? Ну как ты так? — сочувствует сестра, в три секунды спускаясь с макушки и протягивая горсть ягод неудачливой скалолазке.

— Вот, я тебе дички набрала!

Верка запихала мятые ягоды в рот и закрыла глаза от удовольствия.

Воздух уже осенний, холодный. Но предвечернее солнце пригревает так ласково, что совсем не хочется грустить.

Огород убрали. Остались стоять только капустные кочаны — до первого снега — да островок бессмертников.

Цветы так и манят сделать букет, мотая по ветру своими мохнатыми головками, похожими на пластмассовые.

— И почему мамка не разрешает их рвать?!

— Глупости какие-то. Говорят, что нельзя в доме держать сухостои. Примета плохая... Предрасудки дремучие! Давай нарвём: зря, что ли, они такие красивые тут стоят, мёрзнут?

Вера с Асей наломали цветов и, как заправские контрабандисты, крадучись, пронесли букет в зал. Достали из стенки большую вазу и поставили на подоконник, «скрыв» преступление тюлевой шторкой: авось и не заметят.

Так и простояли бессмертники до Нового года. И ничего. Никаких бед в доме не случилось.

А Верка с Аськой то и дело загадочно поглядывали на подоконник и улыбались. Накануне Нового года их секрет мать раскрыла, но ругаться в честь праздника не стала, только закатила глаза и махнула рукой: мол, да ладно, пусть стоят.

Капелька подсолнечного масла, хорошо раскалённая чугунная сковорода — и через несколько минут семечки начинают весело подпрыгивать и щёлкать. Ох и прижигают они, если в лицо выстрелят.

Тут главное — успеть словить, когда пора снять с огня, иначе сгорят, и тогда уж только в мусорное ведро.

Кто в девнястые годы не умел жарить семечки? Веркина мать в этом деле уж точно — непревзойдённый специалист.

Каждый зимний вечер, за редким исключением, вся семья собиралась с семечками перед голубым экраном телевизора «Горизонт».

По будням показывали «Рабыню Изауру», и в полном составе, не отрываясь, следили за судьбой подневольной красавицы — переживали за неё как за родную. Всерьёз негодовали на подлого рабовладельца Леонсио под очередную порцию «советского попкорна».

Потом сердца Верки и Аси захватил комиссар Каттани.

— Ух и смелый же он! В одиночку — и против целой мафии прёт! — восхищалась Аська и закрывала глаза, когда показывали очередной поворотный момент.

Верка тоже восхищалась. До поры до времени. — А по-моему — дурак! Всю семью утробил, и ради чего? Толку-то?

К концу фильма в главном герое Верка окончательно разочаровалась.

Семья для Верки всегда была на первом месте. Разве можно так глупо погубить всех, кто дорог?

Нет, ни за какую справедливость, даже и ради спасения мира, Верка на это бы не пошла.

Уезжая на соревнования, она потихоньку, чтоб никто не видел, крестила дом и ограду. И после этого, поглядывая на небо, ехала в полной уверенности: всё будет хорошо, родные под защитой.

Про Бога Верка откуда-то знала. Знала, и всё. Как данность. Может, старенькая прабабушка—баба Катя—ей что-то рассказывала.

А потом, мультики показывали—«Живая книга» и «Летающий дом», в «Мурзилке» печатали какие-то библейские истории.

В одном из номеров опубликовали момент соблазнения Адама и Евы. Картинка без купюр: Адам и Ева голышом, дерево и змей. Это была раскраска.

Верка с Аськой с энтузиазмом взялись за карандаши, а потом понесли показать свои художества мамке с папкой.

У девчонок ни одной крамольной мысли не возникло. Вот что значит—чистые сердцем! Ну подумаешь—голышом! Так это ж в Эдемском саду. Ни стеснения, ни стыда они не испытывали. Родители посмотрели картинку и похвалили.

Когда вышел фильм «Маленькая Вера», взрослые заранее уселись на диване в каком-то возбуждённом состоянии.

Ася с Веркой, как обычно, плюхнулись на свободные места.

— Вы точно хотите посмотреть?—каким-то испытующим тоном спросил папка.

— Ну конечно! А что такого?!—уверенно ответили девчонки, с удивлением переглядываясь.

Больше никаких комментариев и вопросов от взрослых не последовало.

Верки и Аськи хватило где-то на десять минут фильма. Как раз до первой откровенной сцены, после чего им стало неловко, и они сбегали играть во двор. Тут-то и поняли: не зря все им задавали вопросы.

А откуда им знать, что это значит—эротический фильм? И название, главное, какое! «Маленькая Вера». Да ещё имя...

Досаднее всего, что девчонкам пришлось экстренно ретироваться в смущении. Вот это действительно стыдно! Они же взрослые: десять-одиннадцать лет!

Ни в пятнадцать, ни в двадцать лет Верка не чувствовала себя такой взрослой, как тогда.

.....
На осенние каникулы Верка с Асей поехали в Дивный к бабе Вале—бабушкиной сестре. Ещё только ноябрь, а снегу навалило—по колено. Всю деревню замело.

Дивный—деревушка в сорока километрах от райцентра. Несколько улиц деревянных избышек, несколько двухквартирных домов, почта, клуб

да школа, которую строил, Веркин дед. Место—живописное. Кругом тага. Енисей рядом.

Баба Валя жила на самом краю деревни. Её дом—последний. Дальше грунтовая дорога, а за ней—лес. Летом на полянках клубники видимо-невидимо—знай собирай!

А зимой девчонкам в лес путь заказан.— Верка, а пошли после завтрака снеговика лепить! Теплень. Минус двадцать всего.— А пошли! Чё ещё делать-то...

Баба Валя натопила печку, сварила молочного киселя—странный вкус у него, конечно. Кисель привычнее, когда из варенья, поэтому Верка съела тарелку без всякого энтузиазма, только чтобы бабушку не обидеть.

Асе, наоборот, кисель понравился.— И чего мы дома такой не варим? У нас же этого молока...

— Вот и вари, если тебе нравится. Кто ж тебе не даёт?—закатила глаза Верка.

Девчонки засобирались на улицу.— Рукавицы-то наденьте!—хлопотала Валентина Петровна.— Да далеко-то не уходите. В лес чтоб—ни ногой!

— Да ладно, баб Валя! Мы же почти что местные. Чего опасаться-то?—громко захохотала Верка.

Волки днём в деревню не зайдут, а кого ещё бояться? Чтoб её, Верку, кто-нибудь обидел? Да ни в жизнь! Она сама кого угодно обидит—рослая, сильная. Даром, что ли, с пятого класса баскетболом занимается?

И Аську, конечно, никому в обиду не даст. Полчаса делов—и снеговик готов! Правда, смешной какой-то вышел, несуразный.

Нашли старые валенки—надели снеговичу обновку.

На голову, как и полагается, водрузили ведро—нашли за сарайкой дырявое, без ручки.— Эвон чё удумали! А ну вертайте ведро на место!—прибежала баба Валя, увидев в окошко.

Ведро баба Валя давать категорически отказалась: мол, в хозяйстве «исчо сгодится».

Зато принесла эмалированную чеплашку да старенькую шерстяную шальку:

— Чем вам не шляпа, а? Да шаль накиньте ему, чтобы не мёрз. Морозы обещают на той неделе.— Ну и что у нас за чучело получилось?—театрально ужасалась Аська, падая в сугроб.— И главное, шаль вам не жалко, а ведро старое—не трожьте!—ворчала Верка, подбоченившись.

Её внутренний перфекционист был в обмороке от такого снеговика.

— Я всё слушаю, между прочим!— снова выглянула баба Валя, держась за калитку, и разразилась хохотом вперемежку с матами—любила она вставить крепкое словечко.— Ой, девки! Не приведи Хоспади. Вечером кто из соседей пойдёт, удар бы не хватанул! Но ведро, как хотите, не дам!

Шаль-то—одно название, дырка на дырке—выбросить не жалко. Да и Танюшка мне новую из города на Новый год отправила. А ведро—поди купи!

Валентина Петровна постояла минут с десять с девчонками да пошла управляться. Не в деревенской традиции без дела стоять—разве что с соседкой языками зацепиться, но это уже совсем другая история.

Зимой коровы уходили в запуск. Это у них так отпуск перед «декретом» называется.

Чтобы не сидеть в это время без молока, к коровьему «декрету» готовились заранее: морозили молоко в мисках, а потом эти ледяные молочные круги хранили в кладовке.

Заносили кругляш с мороза, отстаивали и ставили на плиту—кашу варили.

Верка это «зимнее» молоко терпеть не могла. При нагревании появлялись хлопья—этого было не избежать.

А вот в стряпне совсем не чувствовалась разница.

Хотя в доме был самый современный по тем меркам холодильник «Бирюса», многие продукты хранили по традиции в кладовке.

Там стояли ларь с мясом, баки с солёным салом и пара кадок квашеной капусты, сложенные на полках колобки сливочного масла. Здесь же обязательно стояли пятидесятикилограммовые мешки с мукой и сахаром. С таким запасом и в самый безденежный год не пропадёшь.

Откопашешь чеплашку капусты из бочки, принесёшь в дом и, пока мамка или бабушка режут лук, так и ешь её—вместе с кристалликами льда, чувствуя, как во рту появляется приятная кислинка. Никакого мороженого не надо.

А потом уже—за ужином—заправленную луком, с подсолнечным маслом. Кроме этого салата, в Веркиной семье другие и не признавали в повседневной жизни.

А ещё Верка обожала принесённые с мороза булочки с горячим чаем. Еле могла дотерпеть, пока отойдёт с мороза, чтобы можно было откусить.

Ещё одно зимнее лакомство—зимняя ранетка. До самой весны Аська снабжала всех этим деликатесом. Этот сорт ранетки в другое время года не ели—сильно твёрдые они, пока морозом не ударит. Зато потом—такое лакомство!

— Ну хоть бы помыли!—ворчала мать на девчонок.

А они нет-нет да запихают в рот одну-две ранетки, не успев донести до раковины. Невтерпёж!

Нехорошо, конечно, микробы и всё такое, но вкусно-о-о!

И никаких, кстати, проблем с пищеварением не было.

— Ну, двойку тогда ставьте! Если я этот карман чёртот откуда-то отпорола, какая мне четвёрка? За что?!

Верка бросила дневник на учительский стол и подбоченилась.

Наталья Геннадьевна задохнулась от возмущения:

— Хамка! Ты как с учителем разговариваешь?

— А как мне с вами разговаривать? Не видно, что ли: сама я его сшила! Где бы такую нелепую расцветку я нашла, по-вашему?

— Не знаю, где, но хорошо видно, что этот карман с покупной вещи отпорол.

— Ага, с Петрушки сняла,—захихикал злобно Верка, рассматривая образец накладного кармана из нескольких пёстрых, никак не сочетающихся между собой кусочков.— Да идите вы... куда подальше!

Верка схватила дневник и побежала на улицу.

Ясное дело, и Маринке пришлось уйти с трудов. Из солидарности.

— Тоже мне—Че Гевара! Ну, поставила она тебе эту четвёрку, ну и фиг с ней! Остальные у тебя все пятёрки. Чё, так принципиально?

— А как?

Маринка не стало отвечать. Что с ней разговаривать, с этой Веркой? Упёрлась рогом. Было бы из-за чего бодаться!

Так и разошлись подружки по домам—молчком.

А дома Аська:

— Хвастайся: оценили твой карман?

— Ага, оценили. На все четыре балла.

— Почему на четыре?

— Сказали: сильно хороший, не сама, мол, сшила, а отпорола где-то, поэтому четвёрка.

— Вот это поворот, Верка! Вот он, твой перфекционизм, до чего доводит! Это хорошо, что ты только один раз ко мне на швейный кружок сходила!

— Ну-ну, посмейся ты ещё надо мной! Я, между прочим, из-за этого кармана Наталью Геннадьевну куда подальше послала.

— Не может быть. Ты не могла!

— Ещё как могла. Не пойду больше на этот твой кружок. «Сильно хорошо—тоже не хорошо», как мамка говорит. А карман этот в рамку поставлю и любоваться буду. Утебя-то как дела в школе?

— Да никак. Опять Петруха до меня докопалась, две двойки поставила. Не знаю, чё ей от меня надо! Пошли бабушке поможем корову напоить, по дороге расскажу.

Девчонки надели старенькие шубейки и отправились во двор.

— Ну у нас и видок, Верка! Мы с тобой как немцы в отступлении.

Верка не ответила, а подцепила пригоршню рыхлого снега и запустила в Аську, пока та натягивала на ходу рукавицы.

— Ах, ты так?! Ну, подлая, берегись! — засмеялась Ася и быстрым движением закинула снежок Верке прямо за шиворот.

Верке ничего не оставалось, как обороняться.

Так, перебежками между снежными боями, они добрались до стайки. Верка взяла ведра, чтобы принести воды. Одного ведра мало — надо сделать рейса два-три, пока Звёздочка напьётся. Аська тем временем таскала вилами сено из огорода.

За работой девочки забыли об учителях, оценках и остальном мире, который существует где-то там, за стайкой их дома. Здесь есть только Верка и Аська: всегда рядом, и в огонь, и в воду друг за дружку.

Верка решила быть плохой. На всякий случай. Чтобы не оправдывать ничьих ожиданий.

— Курить будешь?

— Нет!

— Чё, слабó?

— Не хочу. И чё?

С наглými Верка вела себя нагло. А Женька Белова очень наглая. Мать — училка. Отец — директор коммунхоза. Бабушка — бывший главбух совхоза. Блатная. Но и мы — не лыком шиты!

Видя, что новенькая не тушуеться, от неё отстали на какое-то время.

И как только Верка угодила в эту компанию?! Из любопытства. Маринка уехала к отцу, в город. С Аської поссорились из-за какого-то пустяка.

Верка пошла куда глаза глядят — лишь бы от Аської подальше.

А тут Катька из баскетбольной команды:

— Пошли с нами потусуемься! Я тебя со всеми перзнакомлю.

— Ну, пошли...

С Катькой они особо не общались: так, «привет — пока». Но почему нет? Всё лучше, чем одной бродить.

Катька с друзьями тусовались на рынке. Днём за прилавками торговали бабушки — молоком, шерстяными носками, яйцами — в общем, кто во что горазд. А по вечерам рынок превращался в значное место для местной молодёжи, которой особо податься было некуда. Кинотеатр к тому времени в посёлке закрылся, дискотека — по выходным и за деньги. Осталось два варианта: или рынок, или по улицам слоняться.

— А вино будешь? — опять к Верке прицепилась Женька.

— Не-а, я вино не пью. Газировка есть? — Верка демонстративно жевала свой «Бомбибом» и надувала пузыри.

Чувствовала себя она тут явно не в своей тарелке. Только ребятам это знать точно не надо. Нет уж. Сегодня Верка решила быть плохой.

Газировки не оказалось. Из закуски предлагался солёный арахис в пакетиках — учителям его выдавали вместо зарплаты, коробками.

— Меня Сашка зовут. Орехи будешь? — протянул ей пригоршню парнишка, одетый не по погоде в лёгкую кожаную куртку «на рыбьем меху».

Про таких мать говорит: форс морозу не боится. — Ну давай, Сашка.

Верке не впервой предлагали выпить. Одноклассники частенько после физры приносили то пиво, то вино. Звали и Верку пару раз, но она только морщила нос. Потом и предлагать перестали.

Чтобы стать «своей», надо бы не выделяться, наверное. Только Верке нравится идти наперекор. Кто тут авторитет — Белова, что ли?

А алкоголь...

Лет в шесть Верка бахнула стопку портвейна или коньяка — кто там различит. Бабушка студила ей чай, наливая из чашки в рюмку, чтобы быстрее остыл, а взрослые выпивали. Был какой-то праздник. И Верка перепутала — по ошибке взяла вместо чая что-то горькое и противное.

Взрослые забегали, заахали, а Верке вдруг сильно захотелось спать. С того раза спиртного она больше не пробовала.

— А чё не пьёшь-то? — вкрадчиво спросил Сашка.

Он знал, что Женька просто так не отстанет. — На фига? У меня своей дури хватает, — пошутила Верка. — А вы часто тут?

— Да почти каждый день.

— Ни фига... И откуда у вас время?

Тут, навернув очередной круг по рыночному пятачку, подошла уже весёленькая Белова.

— Верка, ну ты пить-то будешь? Или чё, типа, вся такая примерная? Дак примерным тут не место. Или в паду?

— Ну, кому Верка, а кому Вера Пална. И пить не буду. Не-о-хо-та!

— Сашка, а ты налей, налей ей! — не отставала Женька.

— Отцепись по-хорошему! Сказала — не буду я пить, — вступила в перепалку Верка и, глядя на Катьку, добавила: — Клёвые у тебя друзья, Катька, конечно! Ничего не скажешь. Но я пошла. Чау-какау! — Чё, так и уйдёшь, что ли? — с вызовом спросила Женька.

— Ну, так возьму и уйду, прикинь.

— Иди-иди, скатертью дорожка! Что бы тебя тут больше не видали, — «подбодрила» Белова.

— Ага, счас! Куда хочу, туда и хожу. У тебя не спросила! — огрызнулась Верка напоследок.

В эту компашку она явно не вписалась. Но, может, оно и к лучшему, что так.

Замёрзшая и злая, как собака, пришла гулёна домой. Аська с ней не разговаривала. Ну и фиг с ней. Перебесится. Зато дома тепло и никто не достаёт.

Верка ревели навзрыд. Рядом с ней в подушку плакала Аська.

Василёк не выкарабкался.

Когда котята родились, девчонки сразу распределили: белая кошечка с рыжим пятнышком на шее—Аськина, Динка. А Верке достался котик—Василёк. Белоснежный—от ушей до хвоста.

—Верка, а почему не Снежок, не Бельши?

—Как хочу, так и называю! Мой кот. Васильком будет. Никаких Бельшей-Беляшей!

—Ну и на Ваську он тоже не похож...

—Какой тебе Васька? Сказала—Василёк. Цветок такой есть, понятно?

Котяткам был месяц, когда мать отдала их по соседям. Приходят Аська с Веркой со школы, а нету ни Василька, ни Динки.

—Где?—побежала к матери разбираться старшая.—Ты куда котят дела?

—Одного тётя Нина взяла, другую Татьяна Михална. Куда нам их? Нам одной кошки хватит! Нечего причитать,—без всяких эмоций ответила Валентина.

—Неси моего Василька назад. Я его никому не отдавала! Или сама пойду к тёте Нине—заберу. Аська вон тоже по своей Динке плачет.

—Ну, касатки, куда нам столько кошек?—вступилась бабушка.—Одной хватит! Ася, ну не расстраивайся ты так! Динке у Татьяны Михалны хорошо. Она одна: ни ребёнка, ни котёнка. Пожалей уж её... Мурка ещё окотится к лету. Нанянитесь.

—Ладно,—сказала сквозь слёзы дрожащим голосом Ася и убежала в свою комнату.

—Ты, Верочка, тоже не упряжься...—не успела договорить Анна Александровна.

—Нет, баба! Не начинай! Я своего Василька не отдам! Лучше пошли со мной к тёте Нине—забирать! А то я одна пойду, прямо сейчас! Такой скандал подниму—самим вам будет стыдно!

Разговаривать с Веркой было бесполезно.

Анна Александровна надела фуфайку с шалью и вместе с внучкой пошла к соседке—за котом.

Василёк встретил делегацию в коридоре. И сразу залез к Верке, исцарапав ей все руки.

Шерсть дыбом, шипит, хвост—трубой. Мяукать ещё не научился, зато пищит так, что уши затыкай.—Ой, хорошо, Анна, что вы пришли. Не знала, чё и делать. Все углы мне наметил. Пищит—уши закладывает. Забирайте вы его подобру-поздорову.

Бабушка пожалала плечами: мол, ничего тут не поделаешь.

Пока Анна Александровна, опираясь на свой бадожок, не спеша закрывала соседскую калитку, Верка с Васильком за пазухой уже к дому подбегает.—Ой ты, мой хороший, натерпелся! Ах, они! Разлучить нас удумали! Не бойся! Никому тебя не отдам,—наглаживала котёнка хозяйка.

А он прижался к ней, положил голову на грудь и уснул под шубой.

Дома Верка аккуратно, чтобы не разбудить, положила Василька на свою кровать и сама легла рядышком. Так и спали.

А Аська не спала. Всю ночь плакала. И почему она, как Верка, не пошла свою Дину выручать?! Забрала бы, и всё! Теперь-то что... Сама виновата—слабохарактерная!

Наутро, только зазвенел будильник, Верка подскочила делать уроки. Учились со второй смены, а надо было ещё реферат успеть написать.

Смотрит, а котёнка нету. Пошла искать-кыскасть. А его Аська на кухне уже молоком свежим поит да по голвке гладит.

Грустно так стало. Потихоньку, чтоб сестра не заметила, Верка включила задний ход и, крадучись, вернулась в комнату. Неловко перед Аськой, а радостно.

Но Веркина радость длилась недолго. Василька через месяц крысы в подполе подрали. Два дня и две ночи сёстры возле него дежурили по очереди, повязки меняли. Всё одно на третью ночь умер.

.....
Томиться в ожидании—не в Веркином характере. Уж лучше враз узнать!

—Слушай, Никита! Ты мне нравишься,—репетировала Верка у зеркала.

—Да, нравишься!—работала она с возражениями.—Что тут такого?

А если в ответ—тишина? Нет, лучше по-другому.—Никитос, пошли вечером погуляем!

—Фу, голос-то какой у меня гнусавый. Не замечала.—Ага, Атос, Поргос и Никитос,—передразнивала Верка саму себя, строя рожицы отражению.

Никита зашёл за ней в половине пятого. Он всегда заходил за Веркой по четвергам. Она шла на баскетбол, а он на репетицию—играл на ударных в школьной группе.

Верка на ходу натянула шапку с рукавицами и вприпрыжку вылетела за калитку вслед за товарищем.

—Никита, а вообще, по-настоящему, я молчунья!—торжественно, сверкнув глазами, начала Верка непростой разговор—сразу, чтоб не передумать.

Никита посмотрел на Верку и рассмеялся:—Ты?! Ну-ну, конечно, молчунья! Ага! И стесняшка ещё...

—Кстати, да! Я очень стеснительная на самом деле,—сказала Верка серьёзно, и в её голосе появились сердитые ноты.

—Чё-то незаметно,—опять засмеялся Никита.—Ну и смейся! Дурак! Я тут ему душу открываю, а он ржёт, как лошадь Пржевальского!

—Это счас в тебе молчунья заговорила? Или стесняшка?—не унимался одноклассник.

—А вообще, ты же знаешь, я и врезать могу!—резко переключилась с романтики Верка.—Так что не усугубляй!

— Ну, такая ты мне и нравиться больше как-то.
— Ладно, закрыли тему! Математику сделал?
— Ага, конечно, с утра до ночи только математи-
кой и занимаюсь. Параболы с гиперболами черчу.
Ты чё, забыла?! У нас же концерт в конце месяца.
Репетирую я.
— Ну точно дурак! Экзамены на носу, а ты репе-
тируешь...

Верка закатила глаза от возмущения. Слова у
неё кончились. Остались одни междометия.

Всё-таки она рациональная до мозга костей.
Где экзамены—и где музыка...

— Да ладно, не ворчи, баб Вера! Приходите с дев-
чонками на репетицию лучше. Аська пусть тоже
приходит. Чё ты её не берёшь?

— Да звала я. Не идёт она. Также мне—звёзды
российской эстрады, группа «Простые ребята».

— Подумаешь, «Ласковый май» когда-то тоже
никто не знал.

— Мечтай, мечтай. Мечтать, говорят, не вредно,—
съехидничала Верка, подмигнув своему тайному
возлюбленному.— Вон за тобой уже Мишка с
Андрюхой пришли. Атос, Портос и Никитос...

Верка помахала ребятам с ухмылкой и побежала
в спортзал.

— А с математикой-то не шути! Помогать на экза-
мене не буду, так и знай!

.....

Веркина мать любила подгибать ноги под себя.
Особенно это раздражало, когда она садилась
так за стол.

Верка закатывала глаза. Что ещё ей делать? Не
будешь же отчитывать собственную мать?

В такие моменты Верка чувствовала тоску и
бессилие. Так это её задевало! И девчонка выду-
мывала любой предлог, лишь бы не находиться на
кухне. У Верки сразу находилась куча дел.

Она брала общую тетрадь и решала логариф-
мы, строила гиперболы с параболоми, вычи-
тывала тангенсы-котангенсы. Только бы её не
трогали.

— А, занимаешься, Верочка?—заглядывала поти-
хоньку бабушка и уходила еле слышно, чтоб, не
дай Бог, не помешать.

Анна Александровна, со своими четырьмя по-
слевоенными классами, всегда радовалась, когда
видела, что внуки усердно учатся.

Верка сидела над тетрадями, как будто и правда
была в каком-то параллельном мире—цифр, гра-
фиков, переменных. Она обожала математику.

— Что ты там видишь, в этих буквах и крючках?—с
недоумением спрашивала Аська.—Скукотища
же! Вон Маринка к тебе идёт—шапка её в окошке
промелькнула.

— Сама ты—скукотища! Ничё ты, Аська, не пони-
маешь в колбасных обрезках. Пойдёшь с нами на
стадион на коньках кататься?

— Ну, пошлите! Только ты, Верка, всё равно не
умеешь кататься.

— Не умеет—научим, не хочет—заставим,—за-
гоготала Маринка в дверях.—Пошлите, девоч-
ки! На улице теплынь. Грех дома сидеть в такую
погоду!

Пока подружки наряжались в две пары шер-
стяных штанов, Маринка пила чай с клубничным
вареньем. У них такой экзотики не водилось.

— Скучно вы живёте,—подколола её Аська не
без гордости.—Ни варенья у вас, ни молока со
сметаной. То ли дело у нас!

— Да-а-а,—мечтательно согласилась Маринка,—
нету... У нас и бабы Анны такой нету, которая
шанги да пироги стряпает.

Маринкина мать хоть и родилась в посёлке, но
начисто городская стала. После института вышла
замуж за городского парня и восемнадцать лет в
Красноярске прожила. Потеряла всю свою дере-
венскую сноровку. «Обынтеллигентилась»—про
таких говорят.

— Дак нечё мечтать о молоке со сметаной,—под-
ключилась Верка с деловым тоном, натягивая
свитер.—В субботу приходи к десяти. Нам сено
привезут с зимника—будем на сеновал таскать.
И сметану получишь, и масла дадим. А без труда—
не вытащишь и рыбку из пруда!

— А что? Без приколов—приду,—согласилась
Маринка.

Она одна в семье—ни сестры, ни брата. Верке
с Аськой хорошо. Их-то двое. Они всегда вместе.
— Ну, пошли, Веруня, счас мы тебя с Маринкой
будем на коньки ставить!—Аська эта перспектива
явно доставляла удовольствие.

— Ой, тушите свет! Что делается!—шутливо за-
причитала Верка.

— Девочки, вы только осторожно! Не побейтесь
там,—не выпустила без напутственного слова
Анна Александровна.

— Ну баба! Чего с нами будет-то?! Мы всего лишь
на каток,—закатила глаза Верка.

Она, как обычно, прокопалась и выходила из
дома последней.

А перед этим подбежала и чмокнула бабушку
в щёку.

Чтоб не волновалась.

.....

— Да знаю я, что на коньках—как корова на льду!

Веркины ноги опять разъехались, словно не
свои. Отталкивается со всей силы, делает шаг, и...
вместо плавного скольжения «фигуристка» летит
кувырком или плюхается назад.

Над ней хохочет весь стадион. Ну как весь—
Маринка и Аська. Больше никого и нету.

В конце концов, после очередной неудачной
попытки Верка села прямо посреди катка, и ника-
кие доводы подняться на неё не действовали.

— Ты чё, Вера?! Давай ещё разок! Ну! Москва не сразу строилась!—Маринка подбадривала подругу как могла, протягивая руку помощи.

Пушистые варежки из собачьей шерсти были все в снежных катышках.

— Да ну вас, не пойду! Сами катайтесь. Чё пристали? Надо будет—встану!

Маринка с Асей на коньках держатся уверенно. Только что двойной тулуп не исполняют. Разгоняются и едут навстречу друг другу, а то наперегонки круги нарезают.

Им-то что, они стройные, как две тростинки. А у Верки—пятая точка перевешивает. Фигуристка из неё—никакая. Зато... Зато баскетболистка она классная. Только успевает мячи забивать.

— И вообще, рождённый ползать—летать не может,—растянулась Верка на льду и стала делать ангела.

— Ну, если Вера Пална классиков начала цитировать, дело швах! Поехалите домой, греться. Моя очередь вас чаем поить,—засобиралась Маринка.— Правда, варенья у меня нету, зато есть шоколадные конфеты. Батя на Новый год прислал целый мешок. Не могу ж я одна их слопать? Айда, девочки, ко мне!

Жила Маринка как раз рядом со стадионом—в панельной двухэтажке.

— Ох и завидую я тебе, Маринка! Приходишь со школы—дома одна, сама по себе. Делай что хочешь! А у нас всегда кто-то есть. Никакого тебе личного пространства,—рассуждала Аська за чашкой горячего чая, откусывая «Мишку на Севере». — Тоже мне, нашла чему завидовать,—засмеялась Марина, наливая кипяток в большую кружку с китом—Веркину любимую, в гостях она только из неё и пила.

— Отец тебя на каникулы не зовёт?—спросила Верка неожиданно для самой себя.

— Мы с ним летом договорились к бабушке в Москву ехать. Я у неё ни разу не была. Да ну его... Как у него сын новый родился, он про меня окончательно забыл. Конфеты ещё будете? Вон, ещё целая коробка «Птичьего молока»,—засуетилась подруга.

Зря Верка, конечно, подняла тему с отцом. Она и сама это поняла, да и Аськин пронзительный взгляд, на несколько секунд припечатавший сестру к стулу, подтвердил: зря! Но теперь уж чего?.. Слово—не воробей.

Аська с любопытством и восхищением рассматривала интерьер, получая явное эстетическое удовольствие. Мебель в квартире у Веркиной подруги была современная, подобранная со вкусом. Видно, что на обстановку денег не пожалели. А ещё в зале—компьютер. Но к этому «зверю» и подходить-то боязно. Сломаешь ещё ненароком... — Кто хочет в «Денди» поиграть? Давайте в «Супер Марио»? Или уток постреляем,—предложила хозяйка.

— Клёво! Только, чур, я первая,—заторопилась Аська, составляя чашки в белоснежную раковину.—Кто последний, моет посуду!

Последняя была, конечно, Вера. Только в баскетболе она—быстрая на реакцию.

— Спасибо, девочки, я сама потом помою. Пойдёмте играть,—подгоняла Маринка.

Гости у неё бывают нечасто, хотя они с мамкой—обе гостеприимные. А какие пекут ореховые кексы! М-м-м... Жалко только, что редко получается. Целыми днями мать на работе. И домой берёт эти свои отчёты.

Зато и работа у неё хорошая—финансист. Ответственная. Денежная.

— Ну и дура!—Верка оттолкнула Маринку, и та плюхнулась в лужу, неловко подогнув ноги.

Противно смотреть: тушь—по всему лицу, сидит, хлопает носом да вытирает слёзы с соплями рукавом.

— Пошли домой, говорю,—уже орала на всю улицу Верка.

— Отстань! Отстань! Не пойду я никуда с тобой!—пришипела Маринка заплетающимся языком.

— Ну, нет так нет! И сиди, овца!

Верка отвернулась и быстро пошла в сторону дома.

На улице было аномально тепло. Вместо крещенских морозов ночью пошёл дождь.

Верка с Маринкой и Аськой пошли на дискотеку в дк. Пока Верка с Асей танцевали, Маринка как-то незаметно умудрилась наклониться. И когда успела?! С кем?

А главное, идти домой она наотрез отказывалась. Верка с Аськой пытались её тащить—вырывается ещё!

Аська в итоге пошла домой с одноклассницами. А Верка осталась Маринку вразумлять. Да только без толку.

Мобильных телефонов не было. Маринкина квартира—через дорогу от Дома культуры.

Поздно, конечно, для гостей. А куда деваться? Пошла Верка к Маринкиной матери—всё равно же не спит, ждёт дочь.

— Вера, а ты чего одна? Маринка где?—открыла дверь взволнованная Вероника Евгеньевна.

— Пойдёмте быстрее. Маринка наклюкалась. Возле дк сидит. Домой со мной отказывается. Не знаю, когда успела,—тараторила Верка, подавая пальто ошарашенной Маринкиной матери.—Пойдёмте скорее, пока её никто не подобрал.

Женщина надела сапоги, а пальто накинула уже в подъезде. И бегом к Дому культуры.

— Ну, я ей покажу!—запыхавшимся голосом ругалась Вероника Евгеньевна на бегу.

— Мы ей завтра такую взбучку устроим,—поддерживала Верка, задыхаясь от возмущения.

Маринка сидела на лавочке как ни в чём не бывало.

Счастливая. Улыбается, будто миллион в лотерею выиграла.

— Ой, мама... А ты... как тут? Верка-а-а, ты чего её привела? Предательница!

Вероника Евгеньевна без разговоров взяла дочь под руку, Верка подхватила с другой стороны. Так они и пошли до дома, пошатываясь из стороны в сторону.

Маринку мать уложила спать. И пошла Веру провожать. Как та ни отнекивалась, а одну её женщину не отпустила по такой поздне.

Баба Анна стояла у калитки и издали увидела Верку с провожающей.

— Вера! Ты? — крикнула она, не дождавшись, пока подойдут поближе.

— Я, баба.

Анна Александровна с облегчением вздохнула и пошла навстречу, опираясь на деревянный бадожок.

Маринкина мать поздоровалась и побежала домой.

— Ты где это ходишь? Чё так поздно? Аська давно дома.

— Да всё нормально, баба. Маринке плохо стало — пока проводила. Пошли спать. Спать охота — сил нету.

Дома Верка обняла бабушку и — напрямик в кровать. Даже чай пить не стала.

.....

Когда на Верку напала меланхолия, она забиралась на чердак. Там пахло сушёными берёзовыми вениками, развешанными над головой. Иногда этот запах смешивался с ароматом душицы или белоголовника. Бабушка любила добавлять эти травы в чай.

В дальнем углу чердака лежал полосатый ватный матрац от старой панцирной кровати. Им сто лет никто не пользовался, но его хранили — «на всякий случай».

Верка проваливалась в матрац, как в кресло, и погружалась в свои мысли или просто засыпала, если совсем грустно.

Дни рождения лет с тринадцати она не любила. После смерти папки и Новый год был — не Новый год. Но киснуть было нельзя. Этак если все раскиснут... Поэтому Верка не показывала вида и бодрлась.

Генеральную уборку сделали. Паласы и ковры снегом почистили, вымыли клеёнчатые обои, отдраили дверные косяки, хрусталь натёрли до блеска, перемыли люстры. Ёлку тоже поставили, нарядили — настоящую, с пушистыми лапами, со звёздочкой на макушке, с мерцающими гирляндами и мишурой. В доме пахло свежестью, хвоей и мандаринами: куда без них?

Праздник наступал так же неотвратимо, как немцы под Полтавой. От него было никуда не деться. Разве что на чердак, за веником.

Баню уже растопили, и пока топится, можно затихариться под благовидным предлогом и погрузиться в тишине.

Деревянная лестница хрустела под Веркиными ногами, но ей было не страшно. Залезть на чердак — дело привычное, не то что на дерево взгромоздиться.

Это Веркин тайный кабинет, убежище, в которое можно нырнуть, и никто не найдёт. Даже Аська.

Грустить вдвоём Верка не умела. Да и разве с Аськой можно грустить по-серьёзке? Она тут же начнёт смеяться — не отцепится!

А Верке надо побыть наедине со своей грустной грустью, чтоб потом опять засмеяться и впустить в себя этот самый Новый год, раз без него никак не обойтись.

Но ни о чём не думалось. Ни о плохом, ни о хорошем. Верка уселась в своё «кресло» и задремала. — Вера-а-а, Вера-а-а, ты куда пропала? — разбудил её голос бабушки.

Верка поёжилась от холода и, как заправский партизан, прихватила веник и потихоньку спустилась с чердака, подождав, когда баба Анна зайдёт в дом.

— Ну и где ходишь? Салаты я одна, что ли, должна доделывать? И баня вон почти готова. Ты чё, Верка, обнаглела?! — ворчала Аська, доедая остатки свежего огурца.

— Да иду я! Веник доставала. Чё делать-то?

Крошить салаты — была работа Верки с Аськой. Они сделали традиционные оливье с винегретом, которые постоянно путали, и любимую бабушкину селёдку под шубой.

В домашних делах Верка была послушная: что скажут, то и делает. Надо ковёр почистить — почистит без лишних разговоров, надо картошку кубиками нарезать — нарежет.

Бабушка к празднику испекла свои знаменитые шаньги и пироги — рыбный и с черёмуховым вареньем, который сверху намазали сметанным кремом. Мать нажарила котлет.

Запахи стояли умопомрачительные. Самое обидное, что пробовать запрещалось строго-настрого! Всё на праздничный стол! Такая дурацкая традиция. И кто её только выдумал?!

У Веркиной мамки была своя новогодняя традиция. Минут за двадцать-тридцать до полуночи она обязательно обижалась на всех, снимала нарядное платье и уходила в свою комнату. А Верка, Аська и бабушка должны были бегать — уговаривать, чтобы Валентина соизволила и села за стол.

С каждым годом эта традиция бесила Верку всё больше и больше.

Может, так мать выпускала напряжение и усталость этого бесконечно долгого, хлопотного

и суетливого дня. А может, сожалела, что прошёл ещё один год, а она так и не стала счастливее. Верка с матерью никогда это не обсуждали.

В половине двенадцатого все приготовления и уговоры заканчивались. И Аська с Веркой, напаренные в бане, намытые, наряженные, наконец усаживались за стол. Бабушка под бой курантов неумело раскупоривала шампанское, а девчонки бежали под ёлку—распаковывать свои подарки—и загадывали заветные желания.

Конечно, в Деда Мороза они давно не верили—да и верили ли вообще когда-нибудь?!

Но достать из-под «снега» подарок было приятно.

Пластмассовые Дедушка со Снегуркой приветливо смотрели на девочек своими нарисованными глазками.

У Веркиной матери к этим персонажам не то чтобы трепетное отношение—слабость. Они были её фетишем. Даже в самый бедный год она, отодвигая первостепенные расходы, вопреки всякому здравому смыслу, на последние деньги покупала новых Деда Мороза со Снегурочкой—самых-самых. То в меховых шубках, то со светящимся посохом, то со встроенной музыкальной открыткой... Они её радовали, как, кажется, никто и ничто другое! Она радовалась как ребёнок.

У всех свои странности. И своё представление, из чего состоит праздник. Но вся штука в том, что родных людей мы любим со всеми их «прибамбасами».

Да, они умеют делать больно так, как никто другой. Ну и Бог с ним. Главное, чтобы они жили. Такие как есть.